

ческого лица. В таком именно, и лишь в этом, смысле и сказки могут служить исторической характеристике. Такое понимание историзма объясняет, почему одни и те же сказки приурочивались то к имени Ивана Грозного, то к имени Петра I: народ видел нечто общее в деятельности обоих царей¹ и, выражая свои симпатии к обоим историческим личностям, он приурочивал к именам Ивана Грозного и Петра I одинаковые сказки.

Эти выводы можно распространить и на повесть о Шемякином суде, ибо эта сказочная повесть XVII в. имеет типологическое родство с современными ей новеллистическими сказками об Иване Грозном. В таком случае все „исторические“ аналогии между вероломством галицкого князя Дмитрия Юрьевича и крючкотворством судьи Шемяки теряют какой-либо смысл, потому что сказочный сюжет повести есть продукт художественного вымысла, а не предание о каком-то историческом событии.

Рассуждая таким образом, мы должны будем признать, что, вопреки мнению прежних исследователей,² склонных видеть „историзм“ повести в одном только имени Шемяка, это имя судьи представляет наиболее сомнительную историческую реалию в тексте „Шемякина суда“, особенно если сравнивать этот факт с достоверными свидетельствами из истории судопроизводства XVII в., которые имеются в этой повести. Что же касается ответа на вопрос: почему же все-таки автор повести избрал имя Шемяки, а не какое-то другое для своего одиозного героя, олицетворяющего приказное взяточничество и крючкотворство, то здесь возможны только предположения, которые, однако, будут более соответствовать исторической действительности, чем досужий вымысел представителей „исторического баснословия“ XVII в. о галицком князе Дмитрии Юрьевиче.

Так, например, естественно будет предположить, что легендарную личность неизвестного нам судьи Шемяки (если такой вообще существовал) нужно искать не среди удельных князей XV в., весьма далеких от приказного суда Алексея Михайловича, а между деятелями московских приказов эпохи, современной автору повести. И действительно, среди многих Шемяк мы можем указать на князей Шаховских-Шемякиных, четверо из которых, как мы указывали выше, были судьями в Московском судном, Владимирском судном, Холопьем, Новой чети и Разбойном приказах в середине XVII в. и, следовательно, могли быть возможными, хотя и мало вероятными прототипами для литературного героя повести. От других гадательных гипотез мы отказываемся.

¹ И. Сенигов. Народное воззрение на деятельность Иоанна Грозного. СПб., 1882, стр. 9.—В. Кордт. Чужоземні подорожені по східній Европі до 1700 р. Киев, 1926, стр. 126.

² М. И. Сухомлинов. Шемякин суд. Сб. ОРЯС АН, т. 85, СПб., 1908, стр. 665.—Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 343.